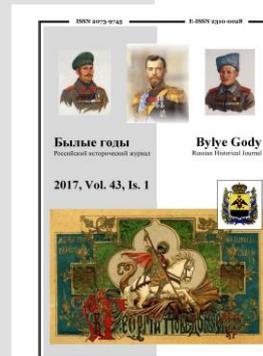

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s. r. o.

Published in the Russian Federation
 Co-publisher in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 43, Is. 1, pp. 274-284, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.1.274
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94(47).083+ 94(571.6)

I.Ya. Korostovetz, "the Creator of Mongolia" and Russian Diplomatic Mission in Urga in 1912

Pavel N. Dudin ^{a, *}

^a East-Siberian State University and Technology and Management, Russian Federation

Abstract

The author defines the role of Russian diplomacy and one of its brightest representatives – Ivan Korostovetz in establishing their own Mongolian state in 1911–1912 through the analysis of diplomatic correspondence, as well as relying on other sources and memoirs of the contemporaries. The author studied the challenges faced by the diplomatic mission and ways to overcome them, showing the position and arguments of each party on the issue of the status of Mongolia. It is noted that the Russian Far East policy was not a priority at the beginning of the twentieth century, giving way to solving of the European problems and it gave rise to a certain alienation of the outlying territories, which eventually became a threat to the national security. The Xinhai Revolution of 1911–1912 and the collapse of the Qing Empire contributed to the awareness of the possibility of gaining a foothold in the region and ensure its economic and geopolitical interests in many ways. Not being interested in the aggravation of relations with China, the Russian government through the Ministry of Foreign Affairs entrusted solving the sudden Outer Mongolia's independence declaration problem to an experienced diplomat, the former envoy to the Qing's court – Ivan Korostovets. However, a simple task at first glance was complicated by the fact that representatives of the Mongolian side, resting on Western concepts of the state, state sovereignty, etc. did not see themselves as a part of China, while Russia recognized for its neighbor the principle of the territorial integrity. In turn, China was considering the activities of the Russian side as interference in its internal affairs, in that time, Russia insisted on defending of only its commercial interests. As a result of lengthy and difficult negotiations Korostavets persuaded the Mongols to make concessions, the Chinese - not to start military operations and not to make provocations and Russian Foreign Ministry – in the importance and significance of the committed actions. The experience, determination, fortitude and authority provided success to Russian mission in Urga, and the protection of Russian eastern borders in the next few decades.

Keywords: Mongolia, Russia's foreign policy, I.J. Korostovetz, Urga, China, the diplomatic mission.

1. Введение

Российская внешняя политика, выстраиваемая в течение нескольких столетий, всегда обеспечивала стабильность в регионах присутствия и развитие двусторонних и многосторонних отношений в рамках и в пределах норм международного права. Наиболее яркой иллюстрацией этого являются события вековой давности, когда сочетание профессионализма, выдержки и принципиальности позволили защитить интересы нашей страны на Дальнем Востоке и обеспечить безопасность государства в преддверии Второй мировой войны.

30 ноября 2016 г. в Монголии отмечали 105-летие со дня провозглашения независимости – значимая дата как для самой страны, так и для России. Монголия не только территориально граничит с нашим государством, но и по своим этнокультурным и конфессиональным признакам является родственным Бурятии, Калмыкии, Туве и тем самым включает Россию в цивилизационные процессы Центральной и Внутренней Азии.

* Corresponding author

E-mail addresses: dudin2pavel@gmail.com (P.N. Dudin)

Значимость отношений с Монголией всегда определялась как стратегическим положением этого государства, так и той ролью, которую оно играло в экономике, коммуникациях и обеспечении безопасности нашей страны в XX в. Во-первых, издавна через Монголию проходили торговые пути из Китая, через Великую стену, в Россию и далее – на Запад. Железная дорога связывала Сибирь с Дальним Востоком, Северным Китаем, Внешней и Внутренней Маньчжурией. С начала Японо-китайской войны японская сторона утверждала, что именно этим путем Советы поставляют оружие и боеприпасы в Китай (*U.S. will stay...*, 1935: 4), и неоднократно выказывала стремление обеспечить доступ во Внешнюю Монголию (*Mongols...*, 1936). Во-вторых, в случае военного конфликта именно эта территория должна была стать важной базой для проведения операций по дальнейшему продвижению Японии вглубь континента (*Japanese puppet...*, 1938: X7) и организации военных поставок (*Manchukuo...*, 1934: 15). После перехода контроля над Монголией к Японии, последняя становилась ближайшим соседом Сибири, и в результате этого России пришлось бы жить в ежеминутном страхе вторжения (*Lore*, 1935: 10). В-третьих, Внешняя Монголия непосредственно примыкала к Внутренней Монголии, которая в 1930-е гг. предпринимала попытки получить независимость. После их провала недальновидная и поспешная политика Нанкина по упразднению Совета в Байлинмяо, а также организация военно-полевого суда, в результате которой были казнены 4 хинганских князя, обвиненные в заговоре против Маньчжоу-Го (*Robertson*, 1936: E5), заставили представителей монгольской аристократии рассматривать Советскую Россию в качестве единственного источника поддержки (*Inner Mongolia...*, 1936: 13). Сегодня российско-монгольская пограничная линия занимает 3-е место по протяженности после границ Казахстана и КНР, что заставляет Россию обращать на это государство особое внимание.

2. Материалы и методы

2.1. Материалы исследования включают ряд периодических изданий, в числе которых бюллетень «Известия Министерства иностранных дел», Сборники документов (*Сборник...*, 1914), газета «Право», журналы «Вестник Азии», «Вестник Маньчжурии», «Известия Юридического факультета г. Харбина» и некоторые другие, а также воспоминания Б.Э. Нольде (*Нольде*, 1930) и И.Я. Коростовца (*Коростовец*, 1995; *Коростовец*, 1996). Материалы делятся на группы: предреволюционные и постреволюционные¹, аналитические и обзорные. Труды предреволюционной эпохи касаются, во-первых, самих русско-китайских отношений, включая договорные (*Гурьев*, 1910b; *Меньшиков*, 1911), приграничные (*М.К.*, 1910) и геополитические (*Титов*, 1909; *Болобан*, 1910; *Г.Н.Г.*, 1911) вопросы; во-вторых, торговых интересов России – прежде всего в Монголии (*Гурьев*, 1910a; *Гурьев*, 1911).

Труды постреволюционного периода исследуют ситуацию во Внутренней Монголии (*Дидушок*, 1928; *Маракуев*, 1927a; *Маракуев*, 1927b), Барге и Хингане (*Кормазов*, 1928a; *Кормазов*, 1928b; *Кормазов*, 1934; *Кормазов*, 1925), а также во Внешней Монголии, касаясь по-прежнему важных торговых связей (*Воллосович*, 1916a) российско-китайских и российско-монгольских отношений (*Баранов*, 1913; *Гурьев*, 1912; *Воллосович*, 1914; *Воллосович*, 1916b) в свете изменившегося международного статуса Халхи.

В качестве источников также выступают материалы западных средств массовой информации, среди которых следует выделить издания США: Нью-Йорк Таймс, Нью-Йорк Пост, Вашингтон Пост. Во-первых, именно эти издания наиболее часто и полно освещали события на Дальнем Востоке; во-вторых, имели собственных корреспондентов в крупных городах стран Северо-Восточной Азии; в-третьих, не только констатировали факты, но и включали аналитический материал, делали прогноз развития событий; в-четвертых, освещали события незамедлительно, в день их свершения либо на следующий день.

Среди статей можно выделить две группы: основанные на данных информационных агентств и авторский материал. Первая группа статей основывалась на информации крупнейших международных информационно-новостных агентств Ассошиэйтед Пресс (Associated Press) и Юнайтед Пресс Интернэшнл (United Press International). Авторами второй группы статей были как собственные корреспонденты, работающие в Северо-Восточной Азии, так и привлекаемые эксперты: Людвиг Лор (Ludwig Lore, 1875–1942), корреспондент Нью-Йорк Пост (позднее – и Нью-Йорк Таймс), в своей колонке Бихаинд зэ Кэблз (Behind the Cables) освещал международные события на Северо-Востоке Азиатского континента; обозреватель Нью-Йорк Таймс и эксперт в области китайско-японских отношений Дуглас Робертсон (Douglas Robertson) и др.

2.2. Методика исследования включала: сбор данных, предполагающий использование информации официального издания МИД, «Известий Министерства иностранных дел» и данных зарубежных СМИ (в т. ч. изданий русской эмиграции в Китае) по предмету исследования; тематический мониторинг научных изданий, отслеживание воспоминаний И.Я. Коростовца, Б.Э. Нольде в 1915 и 1930 гг., публикаций (материалов) преподавателей русского Юридического факультета г. Харбина; метод анализа документальных потоков позволил точно и объективно осуществить формализованный анализ сведений, которые содержались в телеграммах,

¹ Речь идет о Синьхайской революции 1911–1912 гг. в Китае.

опубликованных министерством иностранных дел; сравнительный метод использовался при сравнении позиций Б.Э. Нольде, воспоминаний И.Я. Коростовца и данных, содержащихся в официальном издании министерства иностранных дел, для формирования более объективного представления об изучаемом предмете исследования.

3. Обсуждение

Важное значение в изучении процесса образования Монголии как независимого государства и роли в этом процессе России имеют труды русской эмиграции «первой волны», современников описываемых событий. Наиболее известными являются работы В.А. Рязановского ([Рязановский, 1929](#); [Рязановский, 1931](#)), Г.К. Гинса ([Гинс, 1932](#)), В.А. Овчинникова ([Овчинников, 1926](#)) и некоторых других представителей юридического сообщества г. Харбин. Особую ценность по праву представляют изыскания крупнейшего юриста-международника своей эпохи, декана русского Юридического факультета Университета Сорбонны, Б.Э. Нольде. Не умаляя роли Российского государства в целом, Нольде стремился показать значение отдельной личности в вопросе получения Монголией самостоятельности и с присущим ему уважением и пиететом писал о ключевых участниках дипломатической битвы 1911–1915 гг.

Из современных ученых, наиболее подробно изучающих место России в становлении монгольской государственности, следует назвать Е.А. Белова ([Белов, 1999](#)), Ю.В. Кузьмина ([Кузьмин, 2002](#)), Е.И. Лиштованного ([Лиштованный, 2013](#)) и С.Г. Лузянин ([Лузянин, 2003](#)). Все они выделяют ключевую роль России в вопросе приобретения Монголией независимости, по-разному интерпретируя международные договоры, в которых участвовала в первой половине XX в. Халха-Монголия. Так, В.Д. Дугаров и Л.В. Дамбаев ([Дугаров, Дамбаев, 2014](#)) говорят о том, что борьба за независимость монгольских правящих кругов на международной арене была подтверждена подписанием Соглашения между Россией и Монголией в Урге 3 ноября 1912 г. о признании независимости страны, что привело к образованию государства нового типа в Центральной Азии – феодально-теократической монархии богдо-гэгэна. Авторы крупнейшего на сегодня издания о современной истории страны – «Истории Монголии XX в.» ([История Монголии..., 2007](#)) также считают Соглашение первым международным документом нового государства. Монгольская историография представлена трудами Ц. Батбаяра ([Батбаяр, 2013](#)), К. Дэмбэрэла ([Дэмбэрэл, 2002](#)) и Н. Хишигта ([Хишигт, 2013](#)). Крупнейшим исследователем российско-монгольских отношений в начале XX в. является О. Батсайхан, который в своих трудах ([Батсайхан, 2013](#); [Батсайхан, 2014](#)) анализирует роль и значение русских дипломатических миссий и их влияние на международное положение Монголии.

4. Результаты

Российская политика на Дальнем Востоке начиная с первых контактов с представителями империи Мин в 1618 г. носила фрагментарный и зачастую случайный характер. Основная ответственность ложилась либо на местных воевод, либо на руководителей дипломатических миссий, плохо знакомых с обычаями своих соседей ([Энгельфельд, 1929](#)). Однако постепенное взаимопознание и расширение контактов привели к выстраиванию более или менее устойчивых связей, обеспечивавших стабильность и развитие торговых отношений до рубежа конца XIX – начала XX в.

По словам Б.Э. Нольде, в период, последовавший за окончанием русско-японской войны, в приоритете у министерства иностранных дел были европейские вопросы, касающиеся турецких проливов, Балкан, английского союза и т.д. Целью было обеспечение «возвращения в Европу», что составляло ядро русской внешней политики ([Нольде, 1930: 71](#)). Ни русско-японские, ни даже русско-китайские отношения не играли сколько-нибудь значимой роли, этому во многом способствовали позиция предшествовавших С.Д. Сазонову руководителей внешнеполитического ведомства и их провалы.

Не отличался дальновидностью в этом вопросе и сам С.Д. Сазонов, который был настроен против продвижения России на Восток и опасался, что при всем стремлении монгольской стороны к получению независимости, она будет неспособна обеспечить ее самостоятельно. Это обстоятельство заставило Россию погрязнуть в возникших вопросах в ущерб европейским интересам ([Нольде, 1930: 72](#)). Но наиболее прагматичные в вопросе государственных приоритетов деятели понимали недалекость такой позиции, ее опасность для национальных интересов на Дальнем Востоке, которые именно в этот период стали обретать уверенные очертания.

Нольде отмечал, что в министерстве иностранных дел была сформирована «школа людей, для которых Енисей и Черный Иртыш оставались областью русских политических интересов, и которые продолжали думать, что Россия – государство также и в Азии» ([Нольде, 1930: 72](#)). Благодаря их усилиям присутствие нашей страны в обозначенной области Азиатского континента к началу XX в. оказалось настолько прочным, что в целом не зависело от политической конъюнктуры. К таким людям он относил и самого И.Я. Коростовца, и бывшего начальника дальневосточного отдела Г.А. Козакова.

Следует отметить, что с началом Синьхайской революции в октябре 1911 г. И.Я. Коростовец, находясь в статусе чрезвычайного посланника России, внимательно отслеживал т. н. «монгольский

вопрос» и докладывал об этом в центр. Так, в прилагаемом к депеше от 20 октября 1911 г. Воззвании от имени революционного правительства к населению столицы ([Донесения..., 1912: 94-95](#)) говорилось о том, что монгольским, мусульманским и тибетским титулованным лицам будут сохранены их наследственные звания.

Позднее М.С. Щекин, продолжая выбранный курс, в письме от 17 января 1912 г. информировал об отмене специальных повинностей для монголов, которые уравнивались в правах с китайцами ([Донесения..., 1912: 131](#)); их имущество подлежало охране со стороны государства; сохранялись наследственные титулы и правительство брало на себя обязательство финансового обеспечения тех их обладателей, кто находился в тяжелом материальном положении; сохранялись жалования для знаменитых чиновников; отменялись существовавшие ранее запреты свободного передвижения, занятия торговлей и другие ограничения с предоставлением права свободного выбора места жительства; и, наконец, предоставлялась полная свобода вероисповедания. Вместе с тем в депеше от 2 февраля 1912 г. высказывалось опасение относительно того, что привилегии, предоставленные монголам и другим народам Императорским указом от 30 января 1912 г., признавшим республиканский строй, в случае их пассивного участия в революционных событиях, могут оказаться условными ([Донесения..., 1912: 135, 138-139](#)) – новая китайская администрация пыталась не только обеспечить целостность страны, но и привлечь на свою сторону как можно большее количество сторонников.

Однако на тот момент подобные меры для монголов носили запоздалый характер: вслед за падением династии Цин в Пекине монголы Внешней Монголии изгнали китайского амбана и провозгласили свою независимость, утверждая, что их подчиненность Китаю была династической и что они не обязаны таковым Китайской Республике ([Нольде, 1930: 73](#)). Эту интересную мысль озвучивает ряд харбинских ученых, но закрепляет А.М. Баранов ([Баранов, 1919: 32](#)), который пишет, что по отношению к Южной Монголии существовал указ богдохана, относящийся ко времени избрания его ханом Южной Монголии в 1636 г. Этим указом он обещал не нарушать ее самобытности и довольствоваться верховными правами. В 1691 г. богдохан Энхэ-Амугулан (император Сюань Е или Канси) на торжественном приеме князей Халхи заявил, что он ставит их в положение князей 49 хошунов [Южной Монголии], им воспрещалось лишь вести переговоры и сношения с иностранными державами. Таким образом, взаимоотношения Монголии с Китаем, установившиеся после признания монголами над собой власти Дайцинских императоров, давали основание говорить о личной унии Монголии и Маньчжурии ([Энгельфельд, 1925: 136](#)). И именно на этом настаивала монгольская сторона вслед за провозглашением независимости.

30 ноября 1911 г. была создана «Временная полномочная администрация (правительство) Халхасского Хурээ», которая выпустила всеобщее обращение о независимости всех монголов. 1 декабря того же года в Урге было обнародовано «Воззвание ханов, ванов, бэйсэ, гунов, дзасаков, а равно хамбо, шанцзотбы и да-лам всех четырех халхасских аймаков». В нем отмечалось, что теперь, согласно древним порядкам, следует установить свое национальное, независимое от других, новое государство ([Белов, 1999: 44](#)). Оно имело четко установленные границы, которые в неизменном виде существовали со времен Цинов, и включало территорию Халхи и Кобдосский округ ([Лузянин, 2003: 68](#)). Начинается новый этап в развитии монгольской государственности, который для России оказался своего рода «проверкой на прочность» ее дипломатических институтов.

Как справедливо указывал Нольде, в отдаленных глухих углах долин и степей, населенных потомками Чингисхана и Батая, умели ненавидеть китайцев, но не очень хорошо знали, как быть дальше с провозглашенной независимостью ([Нольде, 1930: 73](#)). Единственным, на что рассчитывала монгольская сторона, была русская помощь. Хутухта и князя уже раньше отправляли послов в Петербург с жалобами на китайцев, но их миссии не встречали отклика, в первую очередь, из-за нежелания портить устоявшиеся отношения с империей Цин. Но теперь обстановка изменилась.

Повторное обращение в адрес нашей страны заставило и внешнеполитическое ведомство, и само руководство государства реагировать однозначно и определенно ([Правительственное сообщение..., 1912: 85-86](#)). Упоминаемый выше Г.А. Казаков постарался сделать так, чтобы правительственное сообщение не содержало упоминаний о независимости, в итоге речь шла о посредничестве России в улаживании «китайско-монгольской распри» ([Правительственное сообщение..., 1912: 85-86](#)). Позиция министра иностранных дел была озвучена в Государственной Думе 13 апреля 1912 г. и сводилась к необходимости действовать осторожно и не торопясь ([Нольде, 1915а: 2155](#)). Императорская резолюция предписывала внимательно наблюдать за ситуацией, которая в итоге «созрела до решения положить конец китайскому политическому контролю над Монголией» ([Нольде, 1930: 73](#)) и снарядить миссию в Ургу.

23 августа 1912 г. С.Д. Сазоновым на И.Я. Коростовца была возложена задача по ведению переговоров с монгольской стороной о заключении соглашения, гарантирующего автономию Монголии, и протокола, определяющего права русских подданных в Халхе ([Сборник..., 1914: 2](#)). Свою собственную цель И.Я. Коростовец видел в стремлении убедить монголов в обоюдной выгоды соглашения ([Нольде, 1930: 74](#)). Формально у него была довольно простая задача: получив четкие инструкции, он должен был, следуя им, добиться заключения переданного ему проекта

соглашения, получая новые инструкции в ответ на изменение ситуации. На деле все оказалось гораздо сложнее.

Во-первых, в силу специфики участников переговоры надо было вести как можно более просто, понятно и без дипломатических оборотов. В телеграмме от 23 сентября 1912 г. И.Я. Коростовец сообщал, что после передачи проекта соглашения монгольской стороне последняя выразила сочувствие сделанному предложению и глубокую благодарность за великодушную и действенную помощь.

Во-вторых, монголы чрезвычайно широко намечали границы своего будущего государства, включая Внутреннюю Монголию, Баргу и другие территории, а также желали признания их полной независимости от Китая (Нольде, 1915а: 2158). Да-лама озвучил желание распространить действие соглашения и на Внутреннюю Монголию (Сборник..., 1914: 3-4), что не устраивало Россию, которая так же исключала возможность третейского разбирательства. Аргументация С.Д. Сазонова была крайне проста и убедительна (Сборник..., 1914: 8): в той же телеграмме от 29 сентября 1912 г. в адрес И.Я. Коростовца он писал, что отсутствие возможности для объединения Внутренней и Внешней Монголии [на момент ведения переговоров] не означает, что этого не возможно будет осуществить в будущем. Но поскольку нынешняя обстановка к этому не располагает, предлагалось отложить решение данного вопроса на будущее и дожидаться развития ситуации с монгольской самостоятельностью.

В свою очередь, телеграммой от 27 сентября 1912 г. посланнику в Пекине В.Н. Крупенскому С.Д. Сазонов просил сообщить китайской стороне, что принимаемые китайским правительством меры по сосредоточению войск во Внутренней Монголии, по соседству с Китайско-Восточной железной дорогой, неизбежно вызовут ответные действия по предупреждению нарушения российских прав и интересов (Сборник..., 1914: 4). Следует отметить, что, несмотря на недовольство складывающейся ситуацией, Китай не перешел ни к провокациям, ни к открытому выступлению.

В-третьих, ссылаясь на И.К. Блюнчли (Современное международное право..., 1876), представители радикального крыла требовали от И.Я. Коростовца, чтобы в результате переговоров Монголия получила «монарха, территорию и население», иначе она не будет государством. Монголия должна была стать независимой, и все монгольские земли, в том числе занятая китайцами Внутренняя Монголия, примыкавшая к Китайско-Восточной железной дороге и Маньчжурии, должны быть объединены под властью хутухты (Нольде, 1930: 74). Телеграммой, датированной 27 сентября 1912 г., И.Я. Коростовец сообщал, что у монголов возникает желание получить полную независимость ни только от Китая, но и от любой другой державы, в связи с чем они настаивают на включении в соглашение пункта о признании Россией автономии Монголии именно в качестве государства (Сборник..., 1914: 3). В развитие этой идеи монголы добивались того, чтобы Россию в официальных сношениях отныне представляло лицо в более высоком ранге, чем до этого, с возможностью назначения консулов в другие регионы Монголии по своему усмотрению¹. На это два дня спустя было получено согласие в виде учреждения должности дипломатического агента с одновременным предостережением о нежелательности направления монгольской стороной в Россию своего официального представителя в аналогичном статусе, за исключением специальных посольств и только после подписания соглашения. Также не утрачивала своей актуальности идея присоединения Внутренней Монголии, Барги и других территорий, о чем сообщалось в телеграмме от 29 сентября 1912 г. (Сборник..., 1914: 7). И, наконец, имелось желание оставить российско-монгольскую границу без изменений.

В-четвертых, вокруг Богдо-Хана шла ожесточенная борьба между защитниками сближения с Россией и теми, кто предпочитал разрешить вопрос о монгольской независимости посредством сближения с Китаем. И если да-лама лишь стремился к расширению влияния и увеличению подконтрольных территорий, то группа аристократов во главе с саин-нойоном² выступала на китайской стороне (Сборник..., 1914: 5), в связи с чем перед российским уполномоченным встала задача убедить их в выгодах и преимуществах нашего сотрудничества, хотя для этого и пришлось бы несколько изменить содержание соглашения. Однако убеждения не должны были походить на просьбы, иначе и монгольской, и китайской стороной это могло быть расценено как слабость. 28 сентября 1912 г. Иван Яковлевич встретился с Богдо-Ханом, которому передал приветствие российского императора и правительства и высказал просьбу подписать соглашение как можно скорее и, при возможности, без серьезных изменений. Затем в адрес С.Д. Сазонова им было озвучено предложение ограничиться в утверждении соглашения лишь подписями пяти монгольских министров и премьер-министра, без необходимости подписания его второстепенными князьями (Сборник..., 1914: 6), на что со стороны российского внешнеполитического ведомства был дан положительный ответ (Сборник..., 1914: 8).

В телеграмме от 29 сентября 1912 г. С.Д. Сазонов дает четкие инструкции, соблюдение которых обеспечило успех операции. Он пишет: «Вы могли бы также дать понять монгольским министрам, что мы не признаем их соглашения с Китаем, если бы оно было заключено без нашего участия, и

¹ В обозначенный период времени эти функции выполнял российский консул в Урге.

² Тугс-Очирын Намнансурэн, первый премьер-министр Монголии.

предпочтем сами стовориться с китайским правительством об участии Монголии. Наши интересы в этой стране не позволяют нам удовольствоваться обещаниями, которые китайцы дадут монголам, так как мы не можем сомневаться, что обещания эти будут нарушены при первой возможности, и должны гарантировать себя от таких нарушений» (*Сборник..., 1914: 8*). В итоге 1 октября 1912 г. монголы согласились не упоминать в соглашении Внутреннюю Монголию, но просили убрать слова «Внешняя Монголия» (*Сборник..., 1914: 9*). И.Я. Коростовец информировал об этом и получил разрешение вместо дефиниции «Внешняя Монголия» использовать «Монголия». Вслед за этим была составлена нота, в которой содержалась оговорка, что Россия оставляет за собой право определить, на какие области, кроме самой Халхи, она распространяет даваемые Монголии гарантии.

Также монгольская сторона просила ограничиться простым указанием о недопущении на свою территорию китайских войск. С целью придать больший вес центральному правительству было высказано предложение не упоминать о праве управления национальными князьями, равно как и о недопустимости китайской колонизации, с которой монголы собирались бороться собственными средствами, считая это их внутренним делом. В ответной телеграмме 3 октября 1912 г. С.Д. Сазонов поясняет (*Сборник..., 1914: 10*), что, гарантируя монголам право управления национальными властями, тем самым на них самих возлагается обязательство не отказаться вдруг от него в будущем. С одной стороны, данная дефиниция обеспечит национальные интересы России, с другой – продемонстрирует решительность по недопущению в будущем преобразования Монголии в китайскую провинцию. То же самое касалось и запрета китайской колонизации, предупредить которую необходимо было с учетом изменяющейся ситуации и внутри самой Монголии.

Между тем ситуация осложнялась двумя факторами. Как уже упоминалось выше, в окружении Богдо-Хана находились люди, выступавшие сторонниками сближения с Китаем, которым к этому времени удалось хоть и временно, но охладить российско-монгольские отношения. При этом в китайской прессе появилась информация о том, что И.Я. Коростовец прибыл в Ургу для признания независимости правительства Монголии (*Сборник..., 1914: 11*). В связи с этим В.Н. Крупенскому пришлось давать соответствующие пояснения китайскому министру иностранных дел (*Сборник..., 1914: 18-19*), а самому С.Д. Сазонову объяснить китайскому поверенному цель командировки (*Сборник..., 1914: 19-20*), которая сводилась к выяснению реальной ситуации относительно русско-китайских переговоров о статусе Монголии. Заявлялось, что Россия по-прежнему верна данному слову и не намерена признавать независимость Монголии, хотя это фактически так и есть, а участие в монгольских делах следует рассматривать не как вмешательство во внутренние дела Китая, а исключительно как меру по обеспечению собственных интересов, прежде всего торговых, которые непременно пострадают в случае введения прямого провинциального управления.

11 октября 1912 г. И.Я. Коростовец телеграфировал в адрес министерства иностранных дел проект соглашения, предложенный монгольской стороной (*Сборник..., 1914: 11*). Опасаясь того, что Китаю удастся восстановить свою власть на территории Халхи, монголы предлагали признать за ними суверенитет и право избрания монарха, на что главой русской дипломатической миссии был дан категорический отказ. Российская сторона придерживалась принципа территориальной целостности Китая, что подтвердил в ответной телеграмме (*Сборник..., 1914: 17-18*) от 14 октября 1912 г. С.Д. Сазонов. Аргументация отсутствия возможности признания за Халхой государственной самостоятельности, также сводилась к тому, что у нее не было реальных предпосылок для ее обеспечения собственными силами. В планы же России не входило вооруженное участие в обеспечении монгольского суверенитета, к тому же это шло в разрез со сделанными ранее заявлениями о признании за Монголией автономного статуса в составе Китайской Республики, китайский суверенитет над Халхой при этом выступал лишь юридической связью двух стан без реальных последствий для обоих. После нескольких раундов переговоров монголы согласились с предложенной редакцией (*Сборник..., 1914: 20-21*), что было подтверждено телеграммой от 17 октября 1912 г. Предостережение от китайского президента о необходимости воздержаться монгольской стороне от подписания соглашения было проигнорировано и двумя телеграммами от 21 октября 1912 г. И.Я. Коростовец информировал Петербург об успешности миссии, подписании соглашения и передал его текст в окончательной редакции.

5. Заключение

Как точно отметил Б.Э. Нольде, И.Я. Коростовец и руководящий из Петербурга его переговорами Г.А. Козаков сумели выдержать характер (*Нольде, 1930: 75*), благодаря чему им удалось добиться подписания соглашения на выгодных для России условиях, не спровоцировав при этом ни международного скандала, ни разрыва дипломатических отношений с Китаем, ни открытых военных действий.

Само же соглашение не определяло наперед отношений Монголии с Китаем, предполагая, что если китайское правительство присоединится к достигнутым договоренностям, то у российской стороны не будет оснований препятствовать этому, равно как и тому, чтобы между Китаем и Монголией было подписано соглашение об условиях признания последней китайского суверенитета (*Соглашение..., 1913*). Это и было сделано позднее – 23 октября 1913 г. в Пекине состоялось подписание Декларации о признании автономии Монголии (*Нольде, 1915а: 2160*) с участием

китайской стороны, а спустя еще 2 года А.Я. Миллер добился подписания Хянтинского соглашения с участием российской, монгольской и китайской сторон. При этом, если иметь ввиду, что заключение торговых договоров входило в область самостоятельных внешних сношений Монголии и контроль со стороны Китая не подлежало, то действие соглашения 1912 г. сохраняло силу и после заключения пекинского, а также хянтинского актов (Нольде, 1915b: 2230).

Говоря о возможном обретении в 1911 г. государственного суверенитета Внешней Монголией и признании его Российской империей в 1912 г. подписанием описываемого выше соглашения, необходимо подчеркнуть следующее. Во-первых, Соглашение 1912 г., по своему содержанию, процессу разработки и заключения являлось документом, де-факто положившим начало международно-правовому оформлению и становлению монгольской государственности. Во-вторых, руководство Китайской Республики не исключалось из этого процесса: В.Н. Крупенский регулярно информировал официальный Пекин о ходе переговоров, давал пояснения и выполнял все требования международного права по сохранению китайской юрисдикции над Халха-Монголией. Во-третьих, ни один из документов до 1919 г., включая и обсуждаемое Соглашение, не закреплял независимый статус Монголии и не подтверждал его. Более того, в телеграммах министр иностранных дел С.Д. Сазонов неоднократно подчеркивал, что Россия не признает за Халха-Монголией государственного суверенитета, а ведет речь лишь об автономном статусе под юрисдикцией Китая. Предписывалось тщательно разъяснить этот факт монгольской стороне, что И.Я. Коростовец и сделал. В-четвертых, именно благодаря усилиям И.Я. Коростовца монголы отказались от требования включить в состав подконтрольных им территорий Внутреннюю Монголию и Баргу, а также от радикальных формулировок о Монголии как государстве и ее независимости, согласившись подписать предложенный российской стороной документ.

Следует согласиться с мнением Б.Э. Нольде о том, что образование Монголии – одно из крупных дипломатических достижений императорской России (Нольде, 1930: 71), успех которого зависел как от удачного стечения обстоятельств, так и от политической воли «северного соседа», от решимости инициаторов движения за независимость, от обстановки в Китае и на международной арене. Безусловно, Борис Эммануилович, будучи хорошо осведомленным об условиях, факторах и самом процессе получения самостоятельности Внешней Монголией, никогда не называл И.Я. Коростовца ее создателем, но неоднократно подчеркивал тот факт, что именно он выступал той ключевой фигурой, от которой зависел успех кампании. Договор И.Я. Коростовца сыграл решающую роль в процессе образования Монголии. Но еще большее значение он принимает при оценке роли Монголии в событиях, предшествующих и сопутствующих Великой Отечественной войне, когда эта страна выступила не буфером, а союзником, от позиции которого зависела и безопасность нашего государства на Востоке, и вопросы снабжения советской армии мясом, шерстью и т.д., об этом надлежит помнить России и в настоящее время при выборе партнеров и союзников.

6. Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Гранта Президента Российской Федерации по государственной поддержке молодых российских ученых-кандидатов наук «Квази-государства Внутренней Азии: проблема государственности в контексте борьбы наций за самоопределение» (МК-6398.2016.6).

Литература

- Баранов, 1919 – Баранов А.М. Халха. Аймакь Цеценъ-хана. Харбин, 1919. 52 с.
 Баранов, 1913 – Баранов И. Китайская пресса о русско-монгольском соглашении // *Вестник Азии*, 1913, № 13. С. 77-87.
 Белов, 1999 – Белов Е.А. Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Наука. 1999. 238 с.
 Болобан, 1910 – Болобан А. Колонизационные проблемы Китая в Маньчжурии и Монголии // *Вестник Азии*, 1910, № 3. С. 85-127.
 Воллосович, 1914 – Воллосович М. Россия и Монголия // *Вестник Азии*, 1914, № 31-32. С. 42-50.
 Воллосович, 1916a – Воллосович М. Письма из Монголии: Исследование Монголии. Монгольская туманность. Трансмонгольский путь. О новом уставе для русской фактории в Урге // *Вестник Азии*, 1916, № 38-39. С. 34-50.
 Воллосович, 1916b – Воллосович М. Письма из Монголии: Преобразование Монголии // *Вестник Азии*, 1916, № 37. С. 44-50.
 Гинс, 1932 – Гинс Г.К. Монгольская государственность и право в их историческом развитии / Проф. Г.К. Гинс. Харбин, 1932. 53 с.
 Г.Н.Г., 1911 – Г.Н.Г. Страничка из истории Кульджинского вопроса // *Вестник Азии*, 1911, № 7. С. 20-33.
 Гурьев, 1910a – Гурьев Б. К вопросу о сохранении Россией права беспопытной внутренней сухопутной торговли с Монголией // *Вестник Азии*, 1910, № 5. С. 1-4.
 Гурьев, 1910b – Гурьев Б. К пересмотру Русско-Китайского договора, заключенного в С.-Петербурге 12/24 февраля 1881 г. // *Вестник Азии*, 1910, № 6. С. 58-93.

- Гурьев, 1912 – Гурьев Б. Монголия и Китай и их политические взаимоотношения // *Вестник Азии*, 1912, № 11-12. С. 21-40.
- Гурьев, 1911 – Гурьев Б. Экономическое положение Монголии // *Вестник Азии*, 1911, № 8. С.74-89.
- Дидушок, 1928 – Дидушок В.Ф. Колонизация Ужеримского сейма Внутренней Монголии // *Вестник Маньчжурии*, 1928, № 1. С.25-32.
- Донесения..., 1912 – Донесения Миссии в Пекине о государственном перевороте в Китае 1911 – 1912 гг. // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1912. Книга V. С. 78-159.
- Кормазов, 1928a – Кормазов В.А. Кочевая Барга // *Вестник Маньчжурии*, 1928, № 8. С. 50-59.
- Кормазов, 1928b – Кормазов В.А. Кочевая Барга // *Вестник Маньчжурии*, 1928, № 9. С. 35-42.
- Кормазов, 1934 – Кормазов В.А. Хинганская провинция // *Вестник Маньчжурии*, 1934, № 1. С. 31-74.
- Кормазов, 1925 – Кормазов В.А. Юго-Восточная Барга и ее обитатели // *Вестник Маньчжурии*, 1925, № 5-7. С. 1-11.
- Коростовец, 1995 – Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. май 1913 г. // *Россияне в Азии*, 1995, № 2. С. 85-211.
- Коростовец, 1996 – Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Урге. Декабрь 1912 г. май 1913 г. // *Россияне в Азии*, 1996, № 3. С. 225-292.
- Лузянин, 2003 – Лузянин С.Г. Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: Издательство «ОГНИ», 2003. 320 с.
- Маркауев, 1927a – Маркауев А.В. Внутренняя Монголия // *Вестник Маньчжурии*, 1927, № 8. С. 35-47.
- Маркауев, 1927b – Маркауев А.В. Внутренняя Монголия // *Вестник Маньчжурии*, 1927, № 9. С. 46-55.
- Меньшиков, 1911 – Меньшиков П. К. русско-китайскому договору // *Вестник Азии*, 1911, № 8. С. 1-44.
- М.К., 1910 – М.К. Об исправлении русско-китайской границы между Кяхтой и Шабин-дабаном // *Вестник Азии*, 1910, № 5. С. 95-101.
- Нольде, 1930 – Нольде Б.Э. Далекое и близкое: Исторические очерки. Париж: Издательство «Современные записки», 1930. 278 с.
- Нольде, 1915a – Нольде Б.Э. Международное положение Монголии / Проф. бар. Б.Э. Нольде // *Право*. Еженедельная юридическая газета. Петроград, 1915. № 34 (23 августа). Стб. 2153-2168.
- Нольде, 1915b – Нольде Б.Э. Международное положение Монголии / Проф. бар. Б.Э. Нольде // *Право*. Еженедельная юридическая газета. Петроград, 1915. № 35 (30 августа). Стб. 2217-2231.
- Овчинников, 1926 – Овчинников В.А. Из юридической литературы о международном положении Монголии // *Известия Юридического факультета* = *Memoirs of the Faculty of Law in Harbin* / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1926. Том III. С. 35-43.
- Правительственное сообщение, 1912 – Правительственное сообщение 29 декабря 1911 года о Монголии // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1912. Книга III. С. 85-86.
- Рязановский, 1929 – Рязановский В.А. Монгольское право и сравнительное правоведение // *Известия Юридического факультета* = *Memoirs of the Faculty of Law in Harbin* / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1929. Том VII. С. 287-302.
- Рязановский, 1931 – Рязановский В.А. Монгольское право (преимущественно обычное): Исторический очерк = *The Mongolian Law (with special reference to the customary law)*. Харбин (Китай): Типография Н.Е. Чинарева, 1931. 306, 42, II с.
- Сборник..., 1914 – Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу (23 августа 1912 г. – 2 ноября 1913 г.). СПб.: Типография В.Ф. Киршбаума, 1914. 91 с. (Известия Министерства Иностранных Дел. Приложение к кн. II, 1914).
- Современное международное право..., 1876 – Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса: Перевод со 2-го немецкого издания / Блюнчли; Пер.: А. Лодыженский, В. Ульяницкий; Под ред.: Л. Камаровский, гр. М.: Тип. Индрих, 1876. 634 с.
- Соглашение..., 1913 – Соглашение с Монголией 21 октября 1912 г. // *Известия Министерства иностранных дел*. СПб., 1913. Книга I. С. 46-48.
- Титов, 1909 – Титов А. Общественное управление иностранного селтельмента в Шанхае // *Вестник Азии*, 1909. № 3. С. 22-43.
- Энгельфельд, 1929 – Энгельфельд В.В. К вопросу о сношениях России с Китаем в XVII–XVIII в. // *Вестник Маньчжурии*, 1929, № 3. С. 20-25.
- Энгельфельд, 1925 – Энгельфельд В.В. Очерки государственного права Китая // *Известия Юридического факультета* = *Memoirs of the Faculty of Law in Harbin* / Высшая Школа в Харбине. Харбин, 1925. Том II. 255 с.
- Japanese puppet..., 1938 – Japanese puppet says he plans to rule all Mongolia // *The Washington Post*. Dec 1, 1938.

Lore, 1935 – *Lore L.* Inner Mongolia casts lot with Japan's Manchoukuo // *New York Post*. December 27, 1935.

Inner Mongolia..., 1936 – Inner Mongolia wavers // *The New York Times*. May 01, 1936.

Manchukuo..., 1934 – Manchukuo likely to annex Chahar // *The New York Times*. October 26, 1934.

Mongols..., 1936 – Mongols proclaim «autonomous» area // *The New York Times*. January 19, 1936.

Robertson, 1936 – *Robertson D.* Hard choice for Mongols // *The New York Times*. July 05, 1936.

U.S. will stay..., 1935 – U.S. will stay out of Chahar dispute // *The New York Times*. January 24, 1935.

References

Baranov, 1919 – *Baranov A.M.* (1919). Khalkha. Aymak" Tsetsen"-khana [Halha. Aimag Tsetsen-Khan.]. Harbin. p. 52 [in Russian].

Baranov, 1913 – *Baranov I.* (1913). Kitayskaya pressa o russko-mongol'skom soglashenii [The Chinese press about the Russian-Mongolian agreement], *Bulletin of Asia*, Nr. 13. pp. 77-87 [in Russian].

Belov, 1999 – *Belov E.A.* (1999). Rossiya i Mongoliya (1911–1919 gg.) [Russia and Mongolia (1911–1919)]. M.: Nauka. p. 238 [in Russian].

Boloban, 1910 – *Boloban A.* (1910). Kolonizatsionnye problemy Kitaya v Man'chzhurii i Mongolii [Colonizational problems of China in Manchuria and Mongolia], *Bulletin of Asia*, Nr. 3. pp. 85-127 [in Russian].

Vollosovich, 1914 – *Vollosovich M.* (1914). Rossiya i Mongoliya [Russia and Mongolia], *Bulletin of Asia*, Nr. 31-32. pp. 42-50 [in Russian].

Vollosovich, 1916a – *Vollosovich M.* (1916). Pis'ma iz Mongolii: Issledovanie Mongolii. Mongol'skaya tumannost'. Transmongol'skiy put'. O novom ustave dlya russkoy faktorii v Urge [Letters from Mongolia: A Study of Mongolia. Mongolian nebula. The Trans-Mongolian journey. On the new Charter for the Russian trading station in Urga], *Bulletin of Asia*, Nr 38-39. pp. 34-50 [in Russian].

Vollosovich, 1916b – *Vollosovich M.* (1916). Pis'ma iz Mongolii: Preobrazovanie Mongolii [Letters from Mongolia: The Transformation of Mongolia], *Bulletin of Asia*, Nr. 37. pp. 44-50 [in Russian].

Gins, 1932 – *Gins G.K.* (1932). Mongol'skaya gosudarstvennost' i pravo v ikh istoricheskom razvitii [Mongolian statehood and the law in its development], Harbin. p. 53 [in Russian].

G.N.G., 1911 – *G.N.G.* (1911). Stranichka iz istorii Kul'dzhinskogo voprosa [Page from the history of Ghulja incident], *Bulletin of Asia*, Nr. 7. pp. 20-33 [in Russian].

Gur'ev, 1910a – *Gur'ev B.* (1910). K voprosu o sokhranении Rossiei prava besposhlinnoy vnutrenney sukhopotnoy trgovli s Mongoliey [On the preservation of the right for free internal land trade with Mongolia in Russia], *Bulletin of Asia*, Nr. 5. pp. 1-4 [in Russian].

Gur'ev, 1910b – *Gur'ev B.* (1910). K peresmotru Russko-Kitayskogo dogovora, zaklyuchennogo v S.-Peterburge 12/24 fevralya 1881 g. [To revise the Russian-Chinese Treaty concluded in St. Petersburg, 12/24 Feb 1881], *Bulletin of Asia*, Nr. 6. pp. 58-93 [in Russian].

Gur'ev, 1912 – *Gur'ev B.* (1912). Mongoliya i Kitay i ikh politicheskie vzaimootnosheniya [Mongolia and China and their political relations], *Bulletin of Asia*, Nr 11-12. pp. 21-40 [in Russian].

Gur'ev, 1911 – *Gur'ev B.* (1911). Ekonomicheskoe polozhenie Mongolii [Economic situation of Mongolia], *Bulletin of Asia*, Nr. 8. pp. 74-89 [in Russian].

Didushok, 1928 – *Didushok V.F.* (1928). Kolonizatsiya Uzherimskogo seyma Vnutrenney Mongolii [Colonization of Uzherim Seim of Inner Mongolia], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 1. pp. 25-32 [in Russian].

Doneseniya..., 1912 – *Doneseniya Missii v Pekine o gosudarstvennom perevorote v Kitae 1911 – 1912 gg.* [Reports of Mission in Beijing on the coup in China 1911 – 1912], *Bulletin of the Ministry of foreign Affairs*. SPb., 1912. Book V. pp. 78-159 [in Russian].

Kormazov, 1928a – *Kormazov V.A.* (1928). Kochevaya Barga [Nomadic Barga], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 8. pp. 50-59 [in Russian].

Kormazov, 1928b – *Kormazov V.A.* (1928). Kochevaya Barga [Nomadic Barga], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 9. pp.35-42 [in Russian].

Kormazov, 1934 – *Kormazov V.A.* (1934). Khinganskaya provintsiya [Khingan province], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 1. pp. 31-74 [in Russian].

Kormazov, 1925 – *Kormazov V.A.* (1925). Yugo-Vostochnaya Barga i ee obitateli [Southeast Barga and its people], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 5-7. pp. 1-11 [in Russian].

Korostovets, 1995 – *Korostovets I.Ya.* (1995). Devyat' mesyatsev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Urge. Dekabr' 1912 g. – may 1913 g. [Nine months in Mongolia. The diary of a Russian Commissioner to Urga. December 1912 – May 1913], *The Russians in Asia*, Nr. 2, pp. 85-211 [in Russian].

Korostovets, 1996 – *Korostovets I.Ya.* (1996). Devyat' mesyatsev v Mongolii. Dnevnik russkogo upolnomochennogo v Urge. Dekabr' 1912 g. – may 1913 g. [Nine months in Mongolia. The diary of a Russian Commissioner to Urga. December 1912 – May 1913], *The Russians in Asia*, Nr. 3, pp. 225-292 [in Russian].

Luzyanin, 2003 – *Luzyanin S.G.* (2003). Rossiya – Mongoliya – Kitay v pervoy polovine XX veka. Politicheskie vzaimootnosheniya v 1911–1946 gg. [Russia - Mongolia - China in the first half of the twentieth century. Political relations in 1911–1946]. Moscow. Publishing house "OGNI". 320 p. [in Russian].

Markaev, 1927a – *Markaev A.V.* (1927). Vnutrennyaya Mongoliya [Inner Mongolia], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 8. pp. 35-47 [in Russian].

- [Markauev, 1927b](#) – *Marakuev A.V.* (1927). Vnutrennyaya Mongoliya [Inner Mongolia], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 9. pp. 46-55 [in Russian].
- [Men'shikov, 1911](#) – *Men'shikov P.K.* (1911). Russko-kitayskomu dogovoru [To the Russian-Chinese agreement], *Bulletin of Asia*, Nr. 8. pp. 1-44 [in Russian].
- [M.K., 1910](#) – *M.K.* (1910). Ob ispravlenii russko-kitayskoy granitsy mezhdru Kyakhtoy i Shabin-dabanom [About correcting the Russian-Chinese border between Kyakhta and Shabin-Daban], *Bulletin of Asia*, Nr. 5. pp. 95-101 [in Russian].
- [Nol'de, 1930](#) – *Nol'de B.E.* (1930). Dalekoe i blizkoe: Istoricheskie ocherki [Close and Distant: Historical essays], Paris: Publishing house "Sovremennye zapiski", 278, [6] p. [in Russian].
- [Nol'de, 1915a](#) – *Nol'de B.E.* (1915). Mezhdunarodnoe polozhenie Mongolii [International position of Mongolia], *Pravo*. A weekly legal newspaper. Petrograd. No. 34 (August 23). STB. 2153-2168 [in Russian].
- [Nol'de, 1915b](#) – *Nol'de B.E.* (1915). Mezhdunarodnoe polozhenie Mongolii [International position of Mongolia], *Pravo*. A weekly legal newspaper. Petrograd, No. 35 (August 30). STB. 2217-2231 [in Russian].
- [Ovchinnikov, 1926](#) – *Ovchinnikov V.A.* (1926). Iz yuridicheskoy literatury o mezhdunarodnom polozhenii Mongolii [Of the legal literature on the international situation of Mongolia], *Law faculty bulletin = Memoirs of the Faculty of Law in Harbin / Higher School in Harbin*. Harbin, Volume III. pp. 35-43 [in Russian].
- [Pravitel'stvennoe soobshchenie, 1912](#) – Pravitel'stvennoe soobshchenie 29 dekabrya 1911 goda o Mongolii [Government information of 29 December 1911 about Mongolia], *Bulletin of the Ministry of foreign Affairs*. SPb., 1912. Book III. pp. 85-86 [in Russian].
- [Ryazanovskiy, 1929](#) – *Ryazanovskiy V.A.* (1929). Mongol'skoe pravo i sravnitel'noe pravovedenie [Mongolian law and comparative law], *Law faculty bulletin = Memoirs of the Faculty of Law in Harbin/ Higher School in Harbin*. Harbin. Volume VII. pp. 287-302 [in Russian].
- [Ryazanovskiy, 1931](#) – *Ryazanovskiy V.A.* (1931). Mongol'skoe pravo (preimushchestvenno obychnoe): Istoricheskiy ocherk [The Mongolian Law (with special reference to the customary law): a Historical essay], Harbin (China): Printing Press of N.E. Chinareva, 306, 42, II p. [in Russian].
- [Sbornik..., 1914](#) – *Sbornik diplomaticheskikh dokumentov po Mongol'skomu voprosu* (23 avgusta 1912 g. – 2 noyabrya 1913 g.) [A collection of diplomatic documents on the Mongolian issue (23 August 1912 – 2 Nov 1913)], SPb.: Printing House of V. F. Kirshbaum, 1914. 91 p. (Ministry of Foreign Affairs bulletin. Appendix to vol. II, 1914) [in Russian].
- [Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo..., 1876](#) – *Sovremennoe mezhdunarodnoe pravo tsivilizovannykh gosudarstv, izlozhennoe v vide kodeksa: Perevod so 2-go nemetskogo izdaniya / Blyunchli; Per.: A. Lodyzhenskiy, V. Ul'yanitskiy; Pod.red.: L. Kamarovskiy, gr.* [The modern international law of civilized Nations, set out in the code: the Translation from the 2nd German edition], Bluntschli; TRANS.: A. Lodyzhenskiy, V. Ulianitskiy; Under.ed.: Kamarowsky L., C. Moscow: Type. Jindřich, 1876. 634 p. [in Russian].
- [Soglashenie..., 1913](#) – Soglashenie s Mongoliej 21 oktyabrya 1912 g. [The agreement with Mongolia on 21 Oct 1912], *Bulletin of the Ministry of foreign Affairs*. SPb., 1913. Book I., pp. 46-48 [in Russian].
- [Titov, 1909](#) – *Titov A.* (1909). Obschestvennoe upravlenie inostrannogo settel'menta v Shankhae [Public administration of a foreign settlement in Shanghai], *Bulletin of Asia*. Nr. 3. pp. 22-43 [in Russian].
- [Engel'fel'd, 1929](#) – *Engel'fel'd V.V.* (1929). K voprosu o snosheniyakh Rossii s Kitaem v XVII–XVIII v. [To the question about relations of Russia and China in XVII–XVIII centuries], *Bulletin of Manchuria*, Nr. 3. pp. 20-25 [in Russian].
- [Engel'fel'd, 1925](#) – *Engel'fel'd V.V.* (1925). Ocherki gosudarstvennogo prava Kitaya [Essays on the state law of China], *Law faculty bulletin = Memoirs of the Faculty of Law in Harbin/ Higher School in Harbin*. Harbin, Vol. II. 255 p. [in Russian].
- [Japanese puppet..., 1938](#) – Japanese puppet says he plans to rule all Mongolia // *The Washington Post*. Dec 1, 1938.
- [Lore, 1935](#) – *Lore L.* (1935). Inner Mongolia casts lot with Japan's Manchoukuo // *New York Post*. December 27.
- [Inner Mongolia..., 1936](#) – Inner Mongolia wavers // *The New York Times*. May 01, 1936.
- [Manchukuo..., 1934](#) – Manchukuo likely to annex Chahar // *The New York Times*. October 26, 1934.
- [Mongols..., 1936](#) – Mongols proclaim «autonomous» area // *The New York Times*. January 19, 1936.
- [Robertson, 1936](#) – *Robertson D.* Hard choice for Mongols // *The New York Times*. July 05, 1936.
- [U.S. will stay..., 1935](#) – U.S. will stay out of Chahar dispute // *The New York Times*. January 24, 1935.

УДК 94(47).083+ 94(571.6)

И.Я. Коростовец, «создатель Монголии», и русская дипломатическая миссия в Урге в 1912 г.Павел Николаевич Дудин ^{а, *}^а Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, Российская Федерация

Аннотация. В статье автор посредством анализа дипломатической переписки, а также опираясь на другие источники и воспоминания современников, определяет роль русской дипломатии и одного из ее ярких представителей – Ивана Коростовца в вопросе создания самостоятельно Монгольского государства в 1911–1912 гг. Изучены проблемы, с которыми сталкивалась дипломатическая миссия и пути их преодоления, показаны позиции и аргументы каждой из сторон на вопрос о статусе Монголии. Отмечается, что дальневосточная политика России в начале XX в. не находилась в приоритете, уступая место решению европейских проблем, что породила определённую отчужденность окраинных территорий, что в итоге стало угрожать безопасности государства. Синьхайская революция 1911–1912 г. и распад империи Цин во многом способствовали осознанию возможности укрепиться в регионе и обеспечить свои экономические и геополитические интересы. Не будучи заинтересованным в обострении отношений с Китаем, российское руководство в лице министерства иностранных дел поручает решить внезапно возникшую проблему с провозглашением Внешней Монголией своей независимости опытному дипломату, бывшему в течение трех лет в ранге посланника при цинском дворе – И.Я. Короставцу. Однако, простая, на первый взгляд, задача осложняется тем, что представители монгольской стороны, опираясь на западные концепции о государстве, государственном суверенитете и т.д. не видели себя в составе Китая, в то время как Россия признавала за своим соседом принцип территориальной целостности. В свою очередь Китай рассматривал деятельность российской стороны как вмешательство в свои внутренние дела, в том время как наша страна настаивала на защите исключительно своих торговых интересов. В результате длительных и сложных переговоров И.Я. Короставцу удалось убедить монголов пойти на уступки, китайцев – не начинать военные действия и не совершать провокаций, а свое внешнеполитическое ведомство – в важности и значимости совершаемых действий. Опыт, решительность, стойкость и авторитет обеспечили русской миссии в Урге успех, а России – защиту своих восточных рубежей на последующие несколько десятков лет.

Ключевые слова: Монголия, внешняя политика России, И.Я. Коростовец, Урга, Китай, дипломатическая миссия.

^{*} Корреспондирующий авторАдреса электронной почты: dudin2pavel@gmail.com (П.Н. Дудин)